

ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В статье выявляется диалектная система форм косвенных падежей количественных числительных и тенденции ее развития в русских старожильческих говорах на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в сравнении с соответствующей системой литературного языка.

В результате изучения морфологических явлений в русских говорах по нижнему Иртышу, Конде и Оби были выявлены внутриязыковые данные и экстралингвистические факторы, влияющие на развитие парадигматических систем именных форм (существительных, прилагательных и местоимений), обнаружено сохранение архаических черт и возникновение новообразований, неизвестных литературному языку [Белякова, Романова 2000: 103, 105–106]. Однако с этой точки зрения не затрагивался материал по количественным числительным. Вообще, как отмечает Л. Н. Булатова, «по сравнению с другими частями речи числительные в диалектном языке изучены мало» [Русская диалектология 1964: 132]. Между тем изучение слов данной категории необходимо «для выявления специфики исторического развития грамматического строя нашего языка» [Кузнецов 1953: 169], для исследования современных морфологических процессов в диалектах.

Известно, что числительное — это самая молодая часть речи, ее «выделение в живом языке» осуществлялось «на протяжении XIII–XIV вв., параллельно с разрушением двойственного числа» [Борковский, Кузнецов 1963: 245]. В русском литературном языке и просторечии парадигматическая система количественных числительных еще продолжает формироваться [Виноградов 1972: 234, 240, 241]. В связи с этим изучение числительных, относившихся первоначально к существительным [Шахматов 1957: 141, 305], в исследуемых говорах может иметь научный интерес, так как позволяет «выявить возможности, заложенные в очень близких по своей организации к литературному языку системах» [Киселева 1968: 268], вскрыть тенденции их дальнейшего развития.

Цель данной статьи — выявить диалектные черты (в том числе архаические и новообразования) в формах косвенных падежей количественных числительных от ПЯТИ до ДВАДЦАТИ и далее в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, установить тенденции в их употреблении по сравнению с литературным языком.

Источником исследования явились диалектологические материалы, собранные автором в период с 1967 по 1979 гг. Во время 12 экспедиций были обследованы русские старожильческие говоры Ханты-Мансийского (б. Самаровского), Кондинского, Октябрьского, Березовского, Шурьшкарского, Приуральского и Сургутского районов Тюменской области. Наблюдалась речь людей различных возрастов. Наиболее детально изучалась речь лиц старшего поколения, носителей традиционного (архаического) слоя говоров.

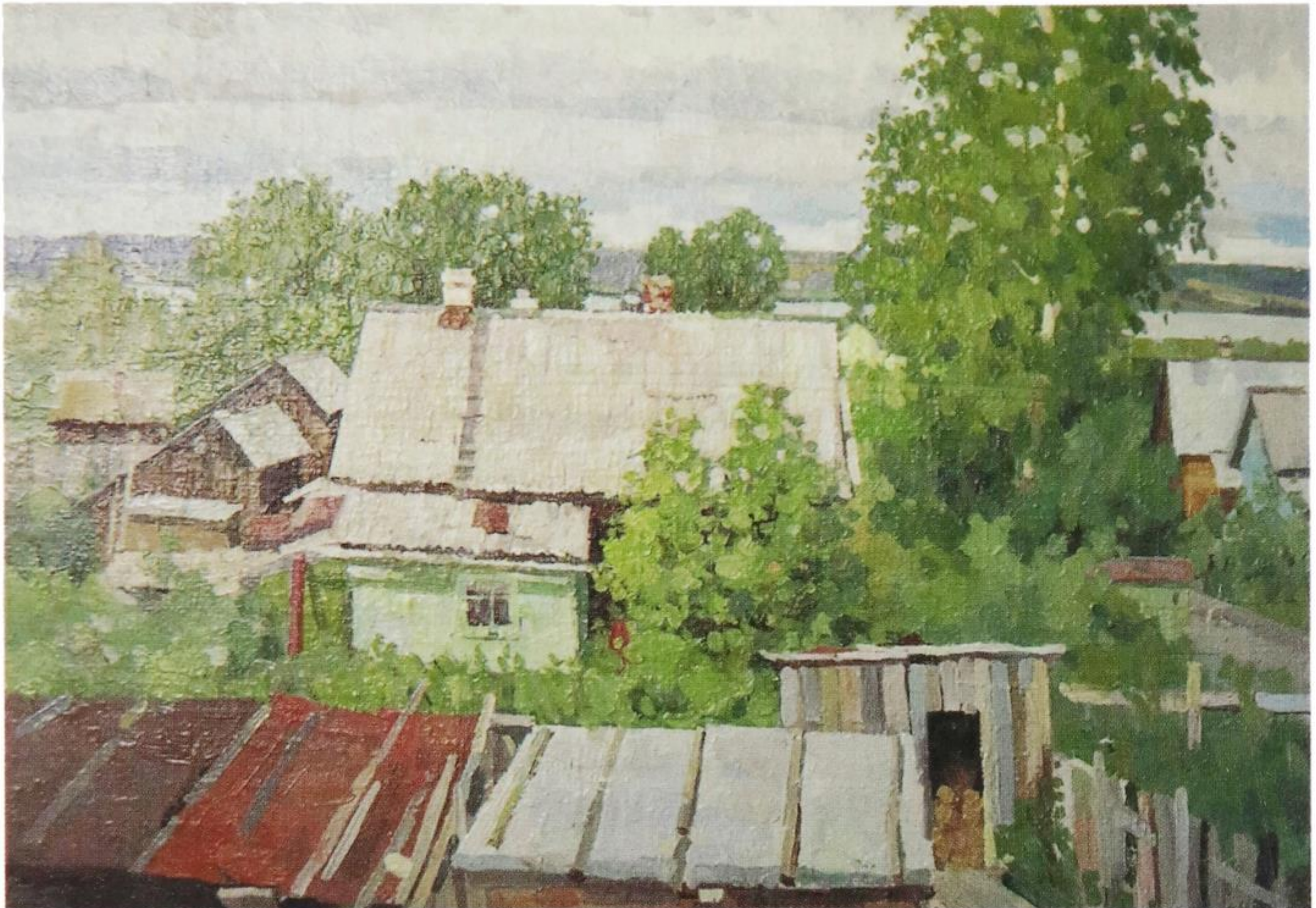
Рассмотрим особенности словоизменения разных групп количественных числительных в данных говорах, учитывая их структуру.

І. ПРОСТЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

1. Числительные от ПЯТИ до ДВАДЦАТИ и ТРИДЦАТЬ, как и в литературном языке, в им. и вин. падежах в русских говорах по нижнему Иртышу, Конде и Оби имеют нулевую флексию: *им. пад.* — пять овЕчушок у йИх обйэгнИлися врАс (Т-К), вОт тУт шЭсь—та рублЕй лижАли (Пл.), сЕмь садУшок на Окнах—то свелИ (Мл.), двАтцать навабрАнцэф зашли на йЭтат кАтер (Окт.); *вин. пад.* — далА йэмУ пять шЫшэк (Акс.), сЕмь лОтак за йэмЯ атправляЯли (Шх.), дЕсеть ли бОле днЕй в урмАне блудИла (Ст.), двенАтцать рАзных блЮт наготОвили к свАрьбе-то (Чмб.), семнАтцать вЁрс пешкОм прашлА (Лк.), двАтцать лЕт прожылА под горОй (Х-М) и под.

В остальных падежах эти числительные в исследуемых говорах получают ударную и безударную флексию —И: *род. пад.* — шэстИ рублЕй не хватАт (Окт.), у йЭй робОта зачинАтса с восемИ чесОф (Юм.), з десетИ мЕсесов бЕгат нОшкам (Шм.), с петнАтцати годОф фсЁ на чежОлой робОте (Бг.), ис тритцатИ вЕдер пять мЕлочи получАтца (Зв.); *дат. пад.* — на шшОтах к питИ прибавляЙ шЭсь (Кшн.), к семИ чесАм онЕ хотЕли приЙЭхать (Ал.), к восемИ Удочкам хорОшы поплафкИ здЕлали (Р.), к шэшнАтцати-то годАм какОй дефчИшшой она стАла (Бз.); *твор. пад.* — петИ гадАми анА пастАре минЯ (Ш.), сЕть-та с петИ йэчЕйками (Ч.), вернУлась с петИ рублЁфками (Л.), с шыстИ мужыкАми срубИл дОм-ат (Лм.), с семИ подроСками кЛЮкву-ту брАли (Кн.), атсЭль за васимИ Избами тА бАушка-та живЁт (Тн.), дерЕмня-та былА з деветИ ли з десетИ дамАми (Кш.), з десетИ трудоднЯми и остАлася, линИлася дАк (Уш.), з двенАтцати мужыкАми в бригАде сУтки рыбАчил (Бел.), с тритцатИ-та рублЯми атпрАвилса Он у нАс на плашкОте грУс ахранЯть (Б.); *предл. пад.* — на петИ садУшках лИсйа сОхнуть стАли (Сел.), тАм Он на шэстИ сОтках и дОм постАвил, хозЯин дАк (Елш.), в восемИ шЫшках мнУчка двА гласкА нашлА (Т.) и под.

Приведенный материал показывает, что числительные от ПЯТИ до ДВАДЦАТИ и ТРИДЦАТЬ образуют в русских говорах Северного Зауралья только две падежные формы (пять — петИ, к петИ, с петИ, на петИ). «Эта система, — пишет Л. Н. Булатова, — является специфичной для числительных. У других имен она не встречается» [Русская диалектология 1964: 134]. Заметим, что, в отличие от литературного языка, в формах род., дат. и предл. падежей слова ВОСЕМЬ в

А. Васильев. Крыши. Пасмурный день. 2006

результате выравнивания с исходной формой в основе возникает гласная /e/ (с восемИ, к восемИ, о восемИ).

Замена формы твор. пад. на –ЙУ формой на –И наблюдается в ряде других сибирских говоров. Так, А. М. Селищев форму твор. пад. на –И указывает в говорах б. Енисейского уезда [Селищев 1968: 280]. О. Н. Киселева отмечает, что в говорах средней части реки Оби «диалектоносители обходятся тремя формами ... числительных: формой им., вин. и родит. падежей при нейтрализации других падежных оппозиций» [Киселева 1968: 254]. Данное явление у количественных числительных 5–20 и 30 фиксируется в различных говорах Европейской России, «как северных (Архангельская, Вологодская, Кировская области), так и южных (Рязанская, Смоленская области)» [Русская диалектология 1964: 135; Перевозчикова 1952: 13], отмечается также в ряде среднерусских говоров [Матвеева 1961: 97–98].

Возникновение этой диалектной черты в склонении числительных 5–20 Г. А. Хабургаев связывает с наметившимся «в процессе оформления числовых наименований в часть речи» противопоставлением «форм прямого ~ косвенных падежей», что «становится специфической особенностью словоизменения числительных — с тенденцией к утрате “особой” формы Т. » [Хабургаев 1981: 272–273]. По его наблюдениям, «...в диалектной речи, не подчиняющейся книжно-литературным нормам, “двупадежность” числовых названий свыше *четырёх* выражена очень четко: *пяти годами ране, с двадцати дружками* и т. п. » [Хабургаев 1981: 273].

Следует отметить, что в исследуемых говорах формы твор. пад. на –И (с петИ, с семИ, з деветИ и под.) наблюдаются в речи лиц всех возрастов. Однако у представителей среднего и молодого поколений наряду с формами на –И отмечаются и

формы с окончанием –ЙУ: с петИ медАлями и с петйУ рублЯми (Ш.), за семИ забОрами и за семйУ замкАми (сидЯт за семйУ замкАми, никтО к йИм не при-дѣт — Бел.), з десетИ рыбакаАми и з десетйУ флашкаАми (Кн.). Появление вто-рого варианта, сходного с окончанием III типа склонения существительных, обязано влиянию нормированного языка. В. В. Иванов подчеркивает, что «...речь среднего поколения, а тем более молодежи, в наше время уже не является чисто диалектной, так как на нем сказывается влияние литературной речи» [Иванов 2004: 467].

В русских говорах Северного Зауралья в речи лиц всех возрастов числительные 5–20 и 30 в сочетании с предлогом ПО (с дистрибутивным значением) выступают в вин. пад. : па пЯть сЕтак чеснокаА дАли (Лк.), па пЯть кнИжэк кАждый мОжет ф читАльне взЯть (Б.), по шЭсь мешкОф шЫшок нашшыбАли (Ц.), розделИли по сЕмь сОток садИть картОшку-ту (Х-М), онЕ фсЕ набрали по вОсемь вЕдер кЛЮквы (Елш.), по вОсемь карАсикоф ф столОвой-то кладУт на скворОтку, дАг ждИ, кавдА готОво бУдет (М.), атвЕсили па двенАтцать килагрАм зернА (Пл.), па двАтцать килагрАм сахару в детсАт и йАсли дастАвили (Л.), па трИт-цать карышЭй кАжнаму рыбаку дастАлася (Н-Нр.) и под. Как видим, во всех русских говорах по нижнему Иртышу, Конде и Оби отмечен вариант, характерный в литературном языке для разговорной речи [Виноградов 1972: 240; Русская грам-матика 1980: 580], где «все чаще числительное с предлогом **по** ставится в вин. п.» [Филиппова 2004: 141].

В ряде микросистем кондинских говоров и самаровских (по нижнему Иртышу) в косвенных падежах наряду с обычными именными формами числительные 5–20 и 30 употребляются с окончаниями прилагательных: *род. пад.* — у петИх ситЕй йэчЕйки пОрваны (Л-Ф), ис петИх избушОк по йЭтой Улисэ однА остАлася (Н-С), от шэ-стИх пАлочёк отлош трИ (Н.), до деветИх днЕй душА-та йэво с нАми (Чнт.), в орЕшной гОт мешкОв до дватцатИх шЫшок-то нашшыбывали (Бз.); *дат. пад.* — к петИм годАм онА уш читАла (Лш.), г деветИм днЯм у йЭй фсЁ наготОвлено бЫло (Уш.), к тритсатИм годАм в войнУ-ту бЫстро состАрилася (Нкл.); *предл. пад.* — ф петИх-то кОмнатах тАмо йэмЯ роздОлю (Мл.), на семИх парАх при-йэжжАли свАтатса по минЯ (Юм.), в десетИх местАх уш побывАла, а гОсти фсЁ спЯт (Т.). Творительный падеж числительных 5–20 и 30 в этих говорах образуется с флексией –ИМЯ: за петИмя дитЯми ухАживала (Бт.), с шэстИмя клАссами остАлася в дерЕвне (Юм.), десетИмя днЯми по-за тибЕ прийЭхала (Нкл.). Ср. в тех же говорах: сИнимя, колЮчимя и под. В шаимских говорах, как и у прила-гательных (с сИним светкАм), отмечаются формы на –ИМ: графИн-от с петИм стакАньням (Лш.), с петИм дитЯм кудА онЕ пойЭдут (Плв.), с шэстИм внучатАм вЫводилася (Н.), шэстИм шАньгам найЭлися фсЕ (Чнт.).

Единичные формы косвенных падежей с флексиями прилагательных отмечены нами и в отдельных говорах по нижней Оби: к петИм (к петИм чесАм прикатИла ко мнЕ) и к петИ (к петИ чесАм бросАй робОту — Сух.), по шэстИм (по шэстИм огорОдам варнакИ прошлИсь) и к шэстИ (к шэстИ огорОдам водА-та потходИла), ф петИх (ф петИх корзИнах кЛЮква, а в однОй брусиГа) и ф петИ (ф петИ домАх бЫли ис кантОры — Ел.). Такую вариативность форм в одной и той же микросистеме

Культурная норма

данных говором можно объяснить «междиалектным влиянием и влиянием литературного языка» [Оглезнева 2006: 145]. Междиалектные контакты, как и межъязыковые, свойственны большинству сибирских говором [Юмсунова 2005: 14].

Формы числительных с окончаниями местоименных прилагательных «встречаются ... главным образом в северновеликорусских и средневеликорусских говорах» [Матвеева 1961: 98–99]. Сходные образования В. Г. Орлова отмечает в говоре с. Пермас Никольского района Вологодской области [Орлова 1949: 66]. Формы ПЯТИХ, ПЯТИМ, О ПЯТИХ А. М. Селищев фиксирует в русских говорах Колымы, в говоре с. Бердское «и в других местах» (одинадцатим разбойникам, с двенадцатими поросятами) [Селищев 1968: 280]. Флексия –ИМЯ в твор. пад. (д'эв'эт'и'м'а д'н'а'м'и, шэс'т'и'м'а трактора'м'и) отмечается в говорах Шадринского района Курганской области [Матвеева 1961: 99].

Вынесенная с северо-востока Европейской России данная черта в русских старожильческих говорах по нижнему Иртышу и Конде в настоящее время сохраняется лишь в речи отдельных лиц старшего возраста, относится к исчезающим диалектным явлениям. При объяснении этой особенности в материнских говорах учитываем, что согласование числительных 5–20 и 30 в косвенных падежах с существительными (пяти рублей, к пяти рублям, о пяти рублях) могло иметь «следствием перенос в их склонение окончаний множественного числа» [Шахматов 1957: 306]. Как полагает А. А. Шахматов, «проникают сюда окончания множественного числа из трёх, четырёх» [Там же: 307]. «Но иногда, — замечает ученый, — в основание новообразованных форм с окончаниями множественного числа кладется форма ПЯТИ как основа» [Там же: 306].

Возможно, первоначально основой для образования форм с окончаниями –ИХ, –ИМ, –ИМЯ, –ИХ и в данных говорах явилась общая форма для род., дат., твор. и предл. падежей на –И, к которой присоединялись конечные элементы флексий числительных ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ: пятИ-х, пятИ-м, пятИ-мя, о пятИ-х. На закрепление этих форм в говорах оказали влияние прилагательные (петИх — сИних, петИм — сИним, петИмя — сИнимя, о петИх — о сИних). Таким образом, указанные диалектные формы числительных 5–20 и 30 в архаичесом слое кондинских и саратовских говоров можно рассматривать как контаминированные формы (пят-и + -х, пят-и + -м и т. д.) с последующим переразложением: флексия именной формы под влиянием местоименных прилагательных отходила к окончанию (пят-и-х > пят-их, пят-и-м > пят-им и т. д.).

2. Имена числительные СОРОК, ДЕВЯНОСТО, СТО в русских старожильческих говорах Северного Зауралья в прямых (им. и вин.) падежах имеют нулевую флексию (у слова 40) и флексию –О (у слов 90 и 100): им. пад. — сО-рак рублЕй не валЯйутца на дорОге (Плн.), вОт пот клейАнкой лежАт твоИ-то девенОсто рублЕй (К.), у пйАнова, а не у терЁзова стО-то рублЕй вЫкатились ис тужУрки (Бз.); вин. пад. — сОрок патрОнов зрЯ испОртил — мАло дИчи-то принЁс (З.), сОрок йэйИс уш накопИла (Уш.), рублЕй девенОсто потерЯл (Н-С), стО рублЕй за жЭнпер аддалА (Срг.), стО рублЕй онЕ шшытАйут тамо большЫ дЕньги (Бел.) и под.

Как и в литературном языке [Русская грамматика 1980: 578], во всех косвенных падежах, кроме вин. падежа, в исследуемых говорах употребляется единая форма на —А: *род. пад.* — кОло сорокА копЁшок наскреблИ (Стн.), до сорокА грАдусоф холодА стойАли (Тр.), килОметров до девенОста на невадникЕ хлЮпали водОй (М.), до девенОста рублЕй у йэвО дОлгу-ту накапИлася (Тн.), дО

А. Васильев. Озеро. 2004

ста кОшэк и бОле держАл Он (Б.), дО ста лЕт нех-тО не даживЁт (Шр.); *дат. пад.* — к саракА гадАм у минЯ пЯтера дитЕй бЫла (М-А), девенОста домАм уж дАли свЕт-от (Кн.), стА призывникАм пришлИ павЕски — падашлИ гадА итти в Ар-мейу (Слх.); *твор. пад.* — с сорокА подвОдами рАне з братАном хАживал до ТобОльска (Х-М), з девенОста дворАми селО-то под горОй бЫло (Р.), са стА рублЯми, дУмат, багАта жЫзь бУдет (Окт.); *предл. пад.* — ф сорокА верстАх от нАс НикУлкина-та дерЕв-ня (Кн.), ф саракА пу-дАх скОль килО бУдит (Кшн.), верстАх в девенОста ЕлизАрово-то от СамАрова (Ел.) и под. «Антитеза прямых (именительного и винительного)

го) и косвенных падежей, — подчеркивает В. В. Виноградов, — достигает своего крайнего выражения в числительных СТО и СОРОК, которые располагают лишь двумя формами» [Виноградов 1972: 241].

Тенденция к противопоставлению «прямого ~ косвенных падежей», «двупадежность» прежде всего устанавливалась в числительных 40, 90 — «в названиях собственно восточнославянского происхождения» [Хабургаев 1981: 243]. Под влиянием СОРОК — СОРОКА, ДЕВЯНОСТО — ДЕВЯНОСТА возникли «образования: сто — ста» [Там же]. Таким образом, «для всех остальных падежей служит форма СТА, первоначально обозначавшая лишь род. п.» [Борковский, Кузнецов 1963: 245]. По мнению А. А. Шахматова, на возникнове-

Культурная норма

ние форм типа СОРОКА во всех косвенных падежах, кроме винительного, «повлияла наличие одной формы для род., дат., местн. (а частью и для твор.) в *десять, двадцать, тридцать*» [Шахматов 1957: 307]. Образованию единой формы на —А у слов СОРОК, ДЕВЯНОСТО, СТО способствовало то, что «в косвенных падежах более ярко, чем в именительном и винительном, выступает количественно-определяющее, беспредметное значение числительных» [Виноградов 1972: 240].

В традиционном слое кондинских и самаровских говоров наряду с формами на —А числительные 40 и 100 могут иметь в дат. пад. окончание по продуктивному склонению существительных (по типу СТОЛ): по сороку лет онЕ здесь проЖыли (Уш.), по сороку брЕвен за день выЛавливали, вОт как неслО по ЙэртышУ-ту (Чмб.), по сороку человек в бригаде-то бЫло (Елш.), каЖному выДали по сту рублЕй (Нкл.), по сту грам и выПили-то (Стн.), рАне котОры жЫли по сту годОф (Л-Ф). Данные формы представляют собой глубокий архаизм: в древности числительные 40 и 100 склонялись «по типу существительных с основой на —о» и могли иметь «разные числа» [Кузнецов 1953: 184; Борковский, Кузнецов 1963: 246].

В речи отдельных лиц старшего поколения отмечены случаи употребления архаических форм у числительных 40 и 100 с окончаниями существительных мн. числа: к сорокАм годАм опОмнилася (Уш.), органиЗъм человека ко стАм-то годАм истошшАтца вЕсь (Зв.); сорокАми пол-литрОфками не обошлИся — вно-го народу бЫло на свАрЬбе-то (Стн.), со стАми новобрАнцами ис СамАрова и Он уйЭхал (Бл.); зимОй-то ф сорокАх верстАх нАша ТрОица-та от райОна (Тр.), ЗенкОво-то от Хантоф верстАх ф стАх (З.). Сохранению форм на —АМ, —АМИ, —АХ могло способствовать согласование числительных в падеже с определяемыми именами существительными (к сорокАм годАм, ф сорокАх верстАх, со стАми новобрАнцами).

В приведенных выше примерах у количественных числительных СОРОК и СТО при предлоге ПО с дистрибутивным значением в речи лиц старшего возраста встретились архаические формы на —У (по сороку человек, по сороку брЕвен, по сту рублЕй). Однако и у данных числительных и у слова ДЕВЯНОСТО в этих случаях обычно употребляется вин. пад.: по сОрок дворОф на каЖдой Улицэ стойАло (Х-М), по сОрок рублЕй прибАвили (Л-Ф), по сОрок человек ведУт (Юм.), по девенОсто килогрАм орЕхоф онЕ насолУшывали (Л-Ф), по сто чебачкОф на верЕвочку сушЫть-то наздевали (Елш.), рублЕй по сто у йИх на каЖдова приходИлося (Бт.) и по стО (по стО килогрАм царской рЫбы здавали госудАрству — Бел.) и под. В. В. Виноградов пишет: «...все больше и больше прав приобретает в разговорной речи конструкция: ... по сто рублей (по сту рублей понимается уже как архаическое выражение)» [Виноградов 1972: 240]. Заметим, что формы на —А в сургутских говорах (па дивинОста рублЕй — Кшн., по ста лУкавак — Лм.) отражают явление аканья. В литературном языке «сочетания *по девяносто мест, по ста билетов* являются устаревшими» [Русская грамматика 1980: 580].

II. СЛОЖНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

1. В литературном языке в сложных числительных от ПЯТИДЕСЯТИ до ВОСЬМИДЕСЯТИ «старые формы сохранились в им. и вин.; в остальных же падежах вторая часть, ранее не изменявшаяся при склонении, получает форму того же падежа, что и первая» [Борковский, Кузнецов 1963: 247] (пятьдесят, пятидесяти, пятьюдесятью). В традиционном слое русских старожильческих говоров Северного Зауралья названия десятков отмечаются в основном в им., вин. и род. падежах: *им. пад.* — педьдесЯт рублЕй у йэвО астАлись на кнИшке (Н-Нр.), педьдесЯт чеснокОвок уж г зимЕ висЯт (Чмб.), шызьдисЯт лУкавиц хра-нЯтца ф плитнЕ-та (Кшн.), сЕмьдесят вЕдер у йИх лежАт в йАмке, нЕкому йИсь-то дАк (Бл.); *вин. пад.* — за йЭто варЕньнё онЕ дадУт педьдесЯт рублЕй (Стн.), шызьдисЯт рублЕй взаймЫ далА сусЕтка (М-А), сЕмьдесят вЁрс до Берёзова-та анЕ прайЭхали транвАйм (Плн.), вЕдер вОсемьдесят картОви ф прОшлом гОде накопАли (Кн.); в значении *род. пад.* — до педьдесЯт корОф тАм онА однА с сестрОй обдАивала (Уш.), на сИвере до педьдесЯт лЕт прорОбила и на пЕнзейу ушлА (М.), до шызьдисЯт анА гадОв дажылА, а умА ни нажылА (Окт.), ни хва-тила шызьдисЯт рублЕй (Тн.), из вОсемьдесят лет только пЯть не здЕсь прожылА (Сел.). Употребление исходных форм в других падежных значениях нами не зафиксировано. Встретились в род. пад. в речи отдельных лиц старшего возраста архаические формы: ис семИдесят (ис семИдесят вЕдер не однА картошЫчка не изгнилА — Уш.), из восемИдесят (из восемИдесят рублЕй скОль тибЕ здАли — Зв.).

«Неизменяемость числительных 50, 60, 70, 80» наблюдается в вятских говорах [Перевозчикова 1953: 13; Симонов 1956: 9], в говорах Рязанской Мещеры [Аванесов 1949: 216]. Тенденцию «к утрате форм косвенных падежей у сложных числительных» Е. И. Литвинова фиксирует в русских говорах Северной Удмуртии [Литвинова 1974: 55]. «Явление несклоняемости», свойственное данным числительным, О. Н. Киселева отмечает в старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби [Киселева 1968: 257–259]. «...Изменение обеих частей сложного числительного в диалектном языке, — пишет Л. Н. Булатова, — если и известно, то не характерно для него» [Русская диалектология 1964: 133]. А. А. Шахматов обращает внимание на то, что «эти числительные рано теряют диалектически самую возможность склонения» [Шахматов 1957: 307].

У представителей среднего и младшего поколений встречаются случаи склонения обеих частей сложного числительного: да питИдисити килОметраф вадОй йЭздили (Тн.), ис семИдесети рабОчих на йИхнам рыпучАске палавИна при-йЭжжых (Окт.), к семИдесети дворАм у йИх гАз-от давнО подведЁн (Р.), нАш Сотник в восемИдесети килОметрах от Кондинска (Стн.). В твор. пад. в их речи первая часть сложного слова обычно имеет вид ПЯТИ-, ШЭСТИ- и т. д.: знАть-та нат петИдесетйу Избами в акрУге гАзавый стОлп стайАл, Ох кАг гарЕла (Б.), с петИдесетйу рублЯми (Кшн.), машЫна с петИдесетйу сАжэнцами заходИла на гОру, когдА субОтник-то бЫл (Х-М), за питИдиситйу пианЕрами пайэхал ф ТюмЕнь, тАм ани в лАгире аддыхАйут (Срг.), пот шэстИдесетйу домАми,

222

Культурная норма

надо бы́ть, хлестАла водА-то в наводнЕнйэ (Ц.), с восемИдесетью мешкАми картОшки ли бОльшэ баржА-та пошлА на сЕвер (Зв.). Следует отметить, что и в разговорном литературном языке «наблюдается тенденция в форме тв. п. всех числительных на —десять употреблять форму типа *пятидесятью, шестидесятью* вместо *пятьюдесятью, шестьюдесятью*» [Русская грамматика 1980: 577–578]. Тенденцию «к еще более тесному слиянию обеих частей, в связи с чем первая часть во всех падежах (кроме им. и вин.) получает форму на -i-, например, тв. п. *пяти'десятью*», «в современном языке» отмечает П. С. Кузнецов [Борковский, Кузнецов 1963: 247]. Это новообразование в составе сложных числительных 50–80 «в живом языке» фиксирует А. А. Шахматов. «Впрочем, в творительном, — замечает он, — обычна и замена *пятью, шестью* формами *пяти, шести: с пятидесятью, восьмидесятью*» [Шахматов 1957: 307].

В конструкциях с предлогом ПО (с распределительным значением) названия десятков, как и числительные 5–20 и 30, в речи лиц всех возрастов выступают в разговорном варианте литературного языка (в вин. пад.): чебакОф па педьдесЯт ф кАждАй сЕтке бЫла (М-А), по шэзьдесЯт рублЕй кАжной хозЯин поплатИ-ко йэмЯ (Елш.), шЫшок по семьдесЯт робетИшка насобирАли на полУ, на кЕдру-ту ишО бойАтца лЕсти (Л-Ф), по вОсемьдесЯт нОвых скамЕйэк ф кАжду шкОлу привезлИ (Слх.) и под.

2. В отличие от литературного языка, где у числительных ДВЕСТИ, ТРИСТА, ЧЕТЫРЕСТА склоняются оба составных элемента, в традиционном слое старожильческих говоров Северного Зауралья отмечаются обычно лишь формы прямых (им. и вин.) падежей с окончаниями —И (у слова ДВЕСТИ) и —А (у слов ТРИСТА и ЧЕТЫРЕСТА): *им. пад.* — ф тОй дерЕвне двЕсти дворОв бЫла (Ч.), трИста йИчёк ф кладОфке лежАт, да йишО скОль йЭли (Сух.), четЫреста рублЕй на йИм астАлися (М-А) и стА четЫре (стА четЫре прапАли — Ш.); *вин. пад.* — за йЭту штукОвину двЕсти рублЕй Оддал (Ст.), за трИста рублЕй на базАре хорОшу шАпку мОжно купИть (Бл.), трИста рублЕй ат нАшэй дачерИ палучИли (Шр.) и стА трИ (стА трИ не палучАт — Кш.), четЫреста штУк шкУрог здАл (Л.) и под. Эти формы встречаются в других падежных значениях: до двЕсти штУк инвентарЯ выдавАли бригаАдам, да Он чАсто ломАлса (Кн.), аткЛАдывала рУблик па рУблику до двЕсти рублЕй (Ч.), онЕ на посЁлке до триста пнЕй за нидЕлю выкорчАвывали (Бт.), до трИста рублЕй у йЭй выхОдит кАждый рАз за мЕсец (Гп.), до четЫреста вЕникоф наЛАмывали кормИть скОт-от в войнУ (Ц.), до четЫреста рублЕй и бОльшэ зарОбили на сплавУ-ту (Ч.), ис четЫреста домОф тАм у йИх не мЕне стА згорЕло (К.), к четЫреста рублЯм поткопИла стА трИ и купИла шУпку сибЕ и дочерЕ (Шх.), трИста рублЯми не атплатИтся (Н-Нр.); фсЁй семейОй анЕ жЫлут кОла ТюмЕни на трИста рублЯх, да йишО йЭсь потсОбна хазЯйсва (М.). Такое употребление числительных 200–400 свидетельствует об утрате в речи лиц старшего возраста склонения у данных слов, о нейтрализации формами прямых падежей оппозиций род., дат., твор. и предл. падежей.

В речи представителей среднего и младшего поколений прослеживается тенденция к склонению обеих частей сложного числительного. Так, в род. пад. у числительных

200—400 вторая часть основы оканчивается на —СОТ: из двухсот библиотечных книг половина у них отсырела (Гп.), Около трехсот бутылей привезли минеральной воды-та (Шх.), там зарабатывают до четырехсот рублей (М.) и под. Реже отмечаются формы с изменением обеих составных частей в других косвенных падежах: по двумстам посёлкам речной метпункт проехал, дак ренген и фсе люди-то проходили (Бел.), с тремястами кедрами рухнул лес, как вышки-то здесь появились (Чмб.), вы хатели папась ф Саранпауль, дак он ф четырехстах километрах ат нас (Б.). Появление форм со склонением обеих частей этих сложных числительных, несомненно, связано с влиянием литературного языка «как наддиалектной формы его существования» [Брызгунова 2004: 17].

3. Так же, как у числительных 200—400, у сложных числительных от ПЯТИСОТ до ДЕВЯТИСОТ в архаическом слое русских говоров Северного Зауралья система склонения утрачивается, встречаются лишь формы прямых (им. и вин.) падежей. Например: *им. пад.* — петсот палатак там стайали, пака не паставили дама (Акс.), роне ф том селе шэссот ли мене дворов было (Юм.); *вин. пад.* — за петцот рублей дочь-та хорошы вешшы приобрела (Кш.), за шэссот рублей сети и худиньку мотолотку купил (Л-Ф), чересемьсот лет чё здесь па абё-та будет (Окт.) и под. Отмечаются случаи употребления данных форм в других падежных значениях: ис петьсот мужыкоф в деревнях хто с войны-то вернулса (Т.), от шэссот и до семьсот вёрс обозы шли с товарами, рьбу везли и мех, а обратно-то соль да муку (Бел.), которы семьи до петьсот литроф вынашивали молоко-та (Плв.), из семсот трудней в войну половину подростки заробили (Р.), к шэссот рублям мой дед дабавил двести и чудь дамиска не купил (Лм.), с петьсот рублями уехали ф Ханты чё-то из одёжи покупать (Ал.), чё тибё убиватца о семсот-та рублям — чё с возу упала, то прапала (Шр.). «Такое употребление сложных числительных, — замечает В. А. Плотникова, — не отвечает литературной норме» [Русская грамматика 1980: 578].

Несклоняемость числительных от 500 до 900 отмечается как в говорах Европейской России [Перевозчикова 1953: 13; Симонов 1956: 9], так и в говорах Сибири [Киселева 1968: 258—259]. Данное диалектное явление в русских говорах могло быть «связано с формированием у числительных специфических грамматических свойств, с их стремлением оттолкнуться от существительных, обрести собственное “грамматическое лицо”» [Киселева 1968: 269].

В речи лиц среднего возраста и молодежи у числительных на —СОТ (500—900) под влиянием литературного языка появляются случаи изменения обеих частей сложения: говорят, ис петисот новобранцев только шэсь не подошли (Х—М), к шэстистам чумам регулярна газеты и нужну правизийу падвозят (Л.), верстах ф петистах от Нахрачей вверх по Конде нефть ишшут (Кн.). В твор. пад., как и у числительных 50—80, первая часть сложного слова оканчивается на —И: с петистами рублями в городе-то долгонько проживёт (Т.), свикрОфка-та майа с семистами рублями сьездила к морю (Срг.), небо с васемистами, тыщами звёздчек, да кто их сашытат (Шр.).

Не без поддержки многочисленных диалектов тенденция к обобщению и унификации форм косвенных падежей у количественных числительных проявляется и в разговорной разновидности литературного языка. По наблюдениям А. А. Шахматова, «в живом языке» «в творительном вместо *пятью стами* также возможно *пятистами*» [Шахматов 1957: 308]. «У числительных на —десять и —сот, — пишет Л. С. Филиппова, — в разговорной речи часто склоняется только 2 часть» [Филиппова 2004: 146].

Рассмотренный материал показывает, что в русских старожильческих говорах Северного Зауралья под влиянием нормированного языка происходит постепенное вытеснение диалектных черт. Наиболее ярко в говорах это проявляется в возникновении вариантных форм в системе словоизменения количественных числительных в результате ее взаимодействия с соответствующей системой кодифицированного языка (например, ф петИх корзИнах — ф петИ домАх, с петИ медАлями — с петИУ рублЯми, пО сту рублЕй — пО сто чебакОф, ф сорокАх верстАх — ф сорокА пудАх и др.). Ряд образований, вытесняемых литературными формами, отмечен лишь в речи лиц старшего возраста (например, флексии местоименных прилагательных у числительных 5—20 и 30, формы слов СОРОК и СТО на —АМ, —АМИ, —АХ, неизменяемость числительных 200—400, 500—900 и др.). Особенно активно исчезают диалектные черты у количественных числительных 5—20 и далее в современном слое данных говоров. В речи представителей среднего и молодого поколений диалектная система сближается с разговорной формой литературного языка.

ВЫВОДЫ

1. В русских старожильческих говорах Северного Зауралья обнаруживаются существенные различия в образовании форм косвенных падежей количественных числительных от ПЯТИ до ДВАДЦАТИ и далее по сравнению с литературным языком: 1) в говорах отмечается противопоставление у числительных 5—20 и 30 только двух падежных форм (пять, десять и т. д. для им. и вин. падежей, пяти, десяти и т. д. — для всех других падежей); 2) употребление в результате процесса нейтрализации падежных противопоставлений у сложных числительных 200—400 и 500—900 лишь прямых (им. и вин.) падежей; 3) проявление диалектной вариативности в формах твор. пад. в кондинских и самарских говорах (с петИ : с петИмя : с петИм) и др.

2. В исследуемых говорах имеются некоторые формы косвенных падежей, сохранившиеся с глубокой древности: образование от числительных СОРОК и СТО формы дат. пад. на —У (пО сороку лЕт, пО сту годОф), старых форм с окончаниями существительных мн. числа (к сорокАм годАм, со стАми новобрАнцами, ф стАх верстАх), сохранение реликтов архаической формы род. пад. на —ДЕСЯТ (ис семИдесят вЕдер, из восемИдесят рублЕй).

Косвенные падежи количественных числительных включают в себе и ряд новообразований: употребление в русских говорах по нижнему Иртышу и Конде у числительных 5—20 и 30 окончаний, сходных с флексиями местоименных прилагательных (петИх избУшок, к шэстИм рублЯм, с петИмя дитЯми, на семИх парАх),

выравнивание основы у числительного ВОСЕМЬ (из восемИ, к восемИ, о восемИ), использование форм прямых (им. и вин.) падежей числительных 200—400 и 500—900 в других падежных значениях (бес трИста рублЕй, к шэссОт рублЯм, с петьсОт рублЯми) и др.

3. Материалы исследования русских старожильческих говоров Северного Зауралья отражают общерусскую тенденцию к развитию аналитизма в числительных. В данных говорах тенденция к утрате флективности, склонения действует более последовательно, чем в нормированном языке: простые количественные числительные 5—20 и 30 имеют одну общую форму косвенных падежей, в речи диалектоносителей старшего поколения для сложных количественных числительных сохраняется система лишь трех падежей (для названий десятков) или двух (для числительных 200—400 и 500—900). В речи среднего и молодого поколений, отражающей процесс сближения диалектной системы с разговорной формой литературного языка, в твор. пад. числительных 50—80 и 500—900 первая часть сложного слова не склоняется (с петИдесетйу сАжэнцами, с петистАми рублЯми и под.).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Березовский район

Б. — Березово

Плн. — Полноват

Шх. — Шаховская

Кондинский район

Ал. — Алтай

Бг. — Богданы

Бл. — Болчары

Елш. — Елушкина

К. — Кама

Кн. — Кондинское

Лш. — Леуши

Мл. — Мулымья

Н. — Назарово

Нкл. — Никулкина

Н-С — Новая Силава

Плв. — Половинка

Стн. — Сотник

Т-К — Три Конды

Уш. — Ушья

Чнт. — Чантырья

Шм. — Шаим

Юм. — Юмас

Октябрьский район

М-А — Малый Атлым

Н-Нр. — Нижние Нарыкары

Окт. — Октябрьский

Приуральский район

Акс. — Аксарка

Л. — Лабытнанги

Слх. — Салехард

Сургутский район

Кшн. — Кушникова

Лк. — Локосово

Лм. — Лямина

Пл. — Пилюгина

Срг. — Сургут

Ст. — Сытомино

Тн. — Тундрино

Шурышкарский район

Кш. — Кушеват

М. — Мужи

Шр. — Шурышкары

Культурная норма

Ханты-Мансийский район

Бел. — Белогорье

Бз. — Базьяны

Бт. — Батово

Гп. — Горноправдинск

Ел. — Елизарово

З. — Зенково

Зв. — Заводные

Л-Ф — Лугофилинская

Р. — Реполово

Сел. — Селиярово

Сух. — Сухорукова

Т. — Тюли

Тр. — Троица

Х-М — Ханты-Мансийск

Ц. — Цингалы

Ч. — Чемаша

Чмб. — Чембакчина

Ш. — Шеркалы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И. Очерки диалектологии Рязанской Мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М., Л.: АН СССР, 1949.
2. Белякова С. М., Романова М. А. Об исследованиях русской народной речи населения Тюменской области // Филологический дискурс: Вестник филологического ф-та Тюменского гос. ун-та. Вып. 1. Филология как пространство встречи. Тюмень: ТюмГУ, 2000.
3. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1963.
4. Брызгунова Е. А. Существуют ли региональные варианты русского литературного языка // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 23–25 марта 2004 г. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972.
6. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
7. Иванов В. В. Диалектная речь в художественном тексте (К постановке проблемы) // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М.: Наука, 2004.
8. Киселева О. Н. Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968.
9. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М.: МГУ, 1953.
10. Литвинова Е. И. Из наблюдений над морфологическими явлениями русских говоров Северной Удмуртии // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Пермь, 1974.
11. Матвеева Г. И. Диалектные особенности числительных пять—десять // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М.: АН СССР, 1961.
12. Оглезнева Е. А. Лингвогеографический аспект в изучении говоров территорий позднего заселения (на материале русских говоров Приамурья) // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006.

Филологический дискурс

13. Орлова В. Г. О говоре с. Пермас Никольского района Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1949.
14. Перевозчикова Ф. Д. Морфологический очерк говора северной части Уржумского района Кировской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.; Л., 1952.
15. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
16. Русская диалектология / Под ред. Аванесова Р. И. и Орловой В. Г. М.: Наука, 1964.
17. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. I // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968.
18. Симонов В. В. Очерк морфологической системы говора Верховинского района Кировской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1956.
19. Филиппова Л. С. Современный русский язык: Морфология. Тюмень: ТюмГУ, 2004.
20. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.
21. Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

И. Щетинин. Раны земли. 1991

882